

Studia Culturae: Вып. 2 (36): Academia: В.В. Дудинец, Н.А. Артёменко. С. 31-43.

В.В. ДУДИНЕЦ

Бакалавр по направлению «Культура Германии»

Санкт-Петербургский государственный университет, Институт философии

Н.А. АРТЁМЕНКО

Кандидат философских наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный университет, Институт философии

КУЛЬТУРНАЯ ТРАВМА ГЕРМАНИИ В ДИСПУТЕ КАРЛА ЯСПЕРСА И МАРТИНА ХАЙДЕГГЕРА

На сегодняшний день тема травмы и травматического опыта все чаще становится предметом подробного научного анализа. Тем не менее можно утверждать, что при всем разнообразии работ, термин «травма» еще не получил должного описания. Очевидно, что свержение тоталитарного режима, поражение в войне и разделение Германии составили для немецкой культуры травматическое событие. В период с 1945 по 1963 год появляются первые немецкие работы по проблеме осмысления тоталитарного прошлого и начинается активно обсуждаться проблема Холокоста. Ярким примером подобного обсуждения является диспут между Ясперсом и Хайдеггером. В статье делается акцент на разных позициях двух виднейших философов в вопросе «вины» Германии. Особое место в диспуте Ясперса и Хайдеггера занимает тема Холокоста. События XX века заставили усомниться в традиционных либеральных ценностях и в рациональности. Вопрос «Что такое Холокост?» до сих пор является актуальным, несмотря на все попытки, которые предпринимались для поиска ответа на данный вопрос. В связи с этой темой в статье упоминается позиция Х. Арендт и ее «нестандартное» решение этого вопроса.

Ключевые слова: тоталитаризм, Холокост, Хайдеггер, Ясперс, Арендт, травма, коллективная память.

Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 18-011-00570 А «Теория культурной травмы: индивидуальный травматический опыт и опыт исторических катастроф».

V.V. DUDINETS

*Bachelor, Department «Culture of Germany»
St. Petersburg State University, Institute of Philosophy*

N.A. ARTEMENKO

*PhD in Philosophy, Associate Professor
St. Petersburg State University, Institute of Philosophy*

**CULTURAL TRAUMA OF GERMANY IN THE DISPUTE OF
KARL JASPERS AND MARTIN HEIDEGGER**

Up to now the topic of trauma and traumatic experience is increasingly becoming the subject of detailed scientific analysis. Nevertheless, it can be argued that for all the variety of works, the term «trauma» has not yet been adequately described. It is obvious that the overthrow of the totalitarian regime, the defeat in the war and the division of Germany made a traumatic event for German culture. In the period from 1945 to 1963, the first German works on the problem of comprehension of the totalitarian past appeared and the problem of the Holocaust began to be actively discussed. A vivid example of such a discussion is the dispute between Jaspers and Heidegger. The article focuses on the different positions of the two most prominent philosophers on the issue of Germany's «guilt». A special place in the debate of Jaspers and Heidegger is the Holocaust. The events of the 20th century caused doubts about traditional liberal values and rationality. The question «What is the Holocaust?» is still relevant, despite all the attempts that have been made to find the answer to this question. In connection with this topic, the article mentions the position of H. Arendt and her «non-standard» solution of this question.

Key words: totalitarianism, Holocaust, Heidegger, Jaspers, Arendt, trauma, collective memory.

The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research, project No. 18-011-00570 A «Theory of cultural injury: individual traumatic experience and experience of historical catastrophes».

На сегодняшний день тема травмы и травматического опыта все чаще становится предметом подробного научного анализа. Тем не менее можно утверждать, что, при всем разнообразии работ, термин «травма» еще не получил должного описания. События XX века стали причиной роста интереса к изучению травматического опыта. Одним из катализаторов роста интереса к проблеме травмы стала Первая мировая война. В числе первых из тех, кто обратился к данной теме, был основатель психоанализа Зигмунд

Фрейд, он посвятил этой проблеме работу «Скорбь и меланхолия». Но в это время термин «травма» принадлежал только области психологии и медицины. В гуманитарную сферу и, в первую очередь, в философию, он перешел только после Второй мировой войны. Именно после нее появились первые работы, посвященные коллективной травме.

Термин «культурная травма» был введен Петром Штомпкой в ходе его лекции «Социальное изменение как травма», состоявшейся 2001 году. Для Штомпки культурная травма – это шоковое состояние, возникшее из-за изменений в ценностно-нормативных системах [5]. По мнению Перта Штомпки эта разновидность травмы – одна из самых опасных, потому что культурная травма надолго сохраняется в коллективной памяти, передаваясь из поколения в поколение. Устойчивость травмы становится возможной из-за того, что культура сильнее всего реагирует на травматическое событие и сильнее всего поддается вызываемым им изменениям. В качестве примера такой длительной реакции мы можем привести историю Германии после Второй мировой войны.

Невозможно отрицать, что свержение тоталитарного режима, поражение в войне и разделение Германии составили для немецкой культуры травматическое событие. В то время казалось, что быстрое восстановление Германии невозможно, но в эпоху Конрада Аденауэра, длившуюся с 1949 году по 1963 год, даже будучи разделённой, Германия за короткий срок заняла первое место в мире по объему экспорта и также лидировала по темпам экономического развития. Это «экономическое чудо» во много основано на этапах осмысления Германией своего нацистского прошлого. Мы можем увидеть эту рефлексию в работах таких философов как Карл Ясперс и Мартин Хайдеггер, относящихся к этому периоду. Названные авторы испытали на себе непосредственное воздействие культурной травмы, и потому полученный ими травматический опыт является богатым источником для исследования.

В период с 1945 по 1963 год появляются первые немецкие работы по проблеме осмысления тоталитарного прошлого и начинает активно обсуждаться проблема Холокоста. Ярким примером подобного обсуждения является диспут между Ясперсом и Хайдеггером.

Этот диспут разворачивался в послевоенной Германии, в ситуации, когда большинство людей не понимали отчетливо, что именно произошло с их страной. Постоянное давление и обвинения в адрес народа, который был однажды увлечен национал-социализмом, привели к тому, что любые действия союзников воспринимались в штыки. Но среди населения были и те, кто пострадал от режима, кому не терпелось высказать свое мнение, которое им приходилось скрывать на протяжении всего правления Гитлера и его партии. Одним из таких людей был Карл Ясперс. После возвращения к

работе в университете, Ясперс сразу стал выдвигать идею переосмысления и покаяния. Многим немцам мысли философа казались тогда враждебными, но неготовность общества принять поражение не сподвигнула Ясперса передумать опубликовать книгу [4. 274].

В 1946 году Ясперс опубликовал свою первую послевоенную работу «Вопрос о виновности», в которой утверждал, что причиной травмы немецкой культуры стала потеря веры. С точки зрения Ясперса, Германия находилась тогда в пограничном состоянии, причиной которого стала война, и единственным выходом в сложившейся ситуации был исторический самоанализ. В действиях стран-победительниц Ясперс видел условие для духовного возрождения Германии: «То, что победители нас осудили — политический факт, который имеет значительные последствия для нашей жизни, но это не помогает нам в решающем вопросе, в нашем внутреннем духовном возрождении. Здесь мы имеем дело с самими собой» [6].

Главным вопросом в книге «Вопрос о виновности» для Ясперса является вопрос: кто виноват? Вопрос был особенно актуален потому, что в это время проходили первые судебные заседания Нюрнбергского процесса. Но это не единственный вопрос, который философ ставит в своей книге. Важен и еще один вопрос: кто является судьей для виновного? Ища виновного и судью, Ясперс выделяет четыре вида вины. Первый вид вины — *уголовная вина*, или вина за совершение преступления, где судьей является суд, который устанавливает факт преступления и принимает решение о наказании. Второй вид вины — *политическая вина*, и она состоит в том, что каждый человек отвечает за то, как им правят, то есть граждане несут ответственность за действия государства. Для данного вида вины судьей является победитель режима, которому переходит власть в государстве. Третий вид вины — *моральная вина*, это вина за любые действия, которые человек совершает в качестве способного сказать «я»: я несу моральную ответственность за них, а судьей выступает совесть. Говоря об этом виде вины философ высказывает свое мнение и по поводу часто употребляемой подсудимыми на Нюрнбергском процессе формулы: «Я выполнял приказ». По мнению философа, фраза «приказ есть приказ» не является способом освобождения от ответственности, поскольку преступление остается преступлением даже тогда, когда совершается по приказу. Таким образом, моральная вина становится условием для появления политической и уголовной вины.

Четвертый и самый важный вид вины — *метафизическая вина*, или ответственность за бездействие. Если я становлюсь свидетелем преступления и не пытаюсь предотвратить его, то я виновен, потому что я не рискнул своей жизнью, чтобы остановить убийство других. По сути, я становлюсь преступником, так как я лишен сострадания к другим. И тот факт, что я

продолжаю жить, когда была возможность не допустить убийства другого человека, является моей виной. Судьей для метафизической вины выступает один лишь Бог.

Ясперс настаивает, что весь немецкий народ виноват в том, что духовные и политические условия, сложившиеся после Первой мировой войны, дали возможность для развития тоталитарного режима в Германии. Уголовная и политическая вина имеют свой срок в виде срока наказания и размера выплат репараций, но моральная и метафизическая вина, которые каждый в обществе должен признать как свою собственную вину, бессрочны: их нельзя искупить, потому что чувство вины будет с человеком до конца его жизни.

Как уже говорилось, единственным выходом из ситуации Ясперс считает самоанализ: нужно, чтобы каждый отказался от иллюзии своего превосходства и взглянул на себя и на свое прошлое с большей критикой. Этот путь не так прост, потому что человеку тяжело посмотреть на себя, а тем более начать критиковать себя, но если человек хочет освободиться от вины, то ему придётся раскаться: «Мы вынуждены очистить себя вне зависимости от того, в чем найдет себя каждый виновным, настолько глубоко, насколько это возможно с помощью реституции, возмещении убытков, внутреннего обновления и (внутренней) метаморфозы» [6]. «Или ощущение вины <...> постоянно вновь переживаемое нашей совестью, становится основной чертой нашего немецкого самосознания — в этом случае наша душа проходит путь изменения — или мы опускаемся до усредненной незначительности индифферентного простого существования. Тогда никакой искренний поиск Бога больше не разбудит наше сердце, тогда истинная природа бытия больше не будет нам открыта, тогда мы больше не услышим трансцендентное значение нашей возвышенной поэзии и искусства и музыки и философии...» [6].

До сих пор Германия развивалась в русле данной парадигмы мышления, принятие идей Ясперса произошло не сразу. Мысли Ясперса были на тот момент столь радикальны, что часто студенты, которые отчасти были фронтовиками, срывали лекции философа. О возможности подобной реакции Ясперса предупреждал Хайдеггер, которому, как и студентам, не очень нравились эти идеи.

На момент 1945 года Хайдеггер представлял собою «типичного немца». Философ не признавал никакого чувства вины: с его точки зрения он в течение короткого времени поддерживал национал-социалистскую революцию, потому что принял ее за метафизическую революцию, когда же революция не оправдала надежд, которые он на нее возлагал, Хайдеггер отстранился от событий и стал заниматься своей философской работой. Философ не скрывал своего критического отношения к режиму, и потому,

как полагал он сам, в меньшей степени несет ответственность за этот режим, чем подавляющее большинство его ученых коллег, которые приспособились к господствовавшей системе. Хайдеггер был искренне удивлен тем, что его привлекли к ответственности. Правда, он позже признался Ясперсу в письме от 7 марта 1950 году [4. 271-272], что испытывал «стыд» из-за своего недолгого сотрудничества с нацизмом. Хайдеггеру пришлось расплатиться за свою политическую активность в 1933 году, но мыслям того периода предстояло еще раз мощно взбудоражить общество.

«Черными тетрадами» Хайдеггер назвал свои дневники, которые он вел с 1931 года, где можно встретить его мысли о национал-социализме. К примеру, одна из них: «Колоссальным опытом и счастьем является то, что фюрер пробудил новую действительность, придавшую нашему мышлению правильное направление и ударную мощь. В противном случае оно при всей его основательности все же оставалось бы погруженным в себя и лишь с трудом нашло бы путь к воздействию <на людей>. Литературное существование закончилось».

После первой публикации дневников, немецкое общество обвинило Хайдеггера в антисемитских действиях и в поддержке режима Гитлера. Наверное, Хайдеггера всегда будет преследовать тень нацизма, это подтверждает и тот факт, что сегодня очень популярна тема связи национал-социализма и Хайдеггера. Но ясно одно: по поступкам и словам, произнесенным Хайдеггером в 1945 году, он, как и многие немцы, не то что не испытывал чувства вины, но пытался уйти от «коллективного наказания».

Хайдеггер не признавал вины за связь с национал-социализмом, а все работы 1945 года, написанные философом, были его методом самозащиты против учебного совета и военной комиссии: «Ректорская речь произносилась на ветер и была забыта на следующий день после торжества... Все двигались по десятилетиями накатывавшейся колее факультетской политики», — пишет Хайдеггер в своих оправдательных записках «Факты и мысли 1945 года» [3].

Послевоенные события в Германии Хайдеггер связывает с «потерей сути» немцев и с начавшимися процессами американизации. Он расценивает принятие решений Нюрнбергского процесса и действий стран-победительниц как отказ немцев от своей судьбы: «Предательство мышления — это предательство исторического предназначения народа. Это предательство нельзя уже выдать за следствие исчезнувшего террора, оно остается результатом деятельности тех и попадает под ответственность тех, которым власть над людьми дороже изначального указания Бытия — людям. До чего дошли немцы? Только до того, где они и раньше были — с той разницей, что сейчас они все глупее и глупее отрицают собственную душу, под насмешками чужих и смеясь вместе с ними, бездумно открывают им

свою суть и отказываются от нее. Как бы ни были ужасны опустошения и разрушения, которые причинены немцам и их родине, они несравнимы с самоуничтожением, которое совершают они, предавая мышление» [3].

Особое место в диспуте Ясперса и Хайдеггера занимает тема Холокоста. Интерес философской мысли к проблеме Холокоста в послевоенное время ввел это событие в совершенно новое поле культурной антропологии, предметом изучения которой стали акты геноцида. Философы, работающие в данном направлении, больше всего интересовались, как человечество пришло к Холокосту, каким образом развитое европейское общество могло дойти до такого жесткого проявления бесчеловечности. Первые работы по проблеме Холокоста стали появляться уже после Второй Мировой войны. В Германии, политический режим которой организовал Холокост, данная тема после войны не была столь популярна, отчасти это связано с тем, что многие немцы не признавали за собой вину за войну и за геноцид, но при этом в стране все же выпускались работы посвященные вине немцев.

Карл Ясперс был одним из тех философов, которым пришлось лицом к лицу столкнуться с антисемитской программой национал-социалистов (его жена была еврейкой), поэтому он основывался на собственном травматическом опыте. В работе «Вопрос о виновности» Ясперс требовал от немцев признать морально-политическую ответственность за Холокост. При этом философ не обвиняет только немцев в развитии антисемитизма. Ясперс утверждал, что для европейских христиан антисемитизм был характерен еще до национал-социализма в Германии. Обращаясь к истории можно вспомнить, что антисемитизм в Европе берет свое начало в Средневековье, когда существовало мнение, что весь еврейский народ несет ответственность за смерть Иисуса, а в XX веке антисемитские взгляды были популярны почти во всей Европе, включая Россию. Основываясь на исторических данных, Ясперс настаивает на признании вины за появления Холокоста от всех европейских христиан. Также, по мнению философа, Европа виновата перед евреями за то, что не пыталась прекратить геноцид, проводимый Германией.

Также Ясперс связывает Холокост с вопросом о моральном выборе во время геноцида. Для философа моральность субъекта определяется его выбором в пользу жертвы, то есть индивид, несмотря на отданный ему приказ, должен встать не на сторону большинства или сильного, а на сторону слабого меньшинства, то есть человек морален в ситуации геноцида только тогда, когда примет сторону слабого, а именно проявит сострадание. Удивительно, но отголосок данной мысли Ясперса можно найти и в истории современной Германии: так, в Германии солдат имеет право не

выполнять приказ, если приказ нарушает его моральные и религиозные принципы.

В отличие от Ясперса, Хайдеггер не написал отдельной работы о Холокосте, но тема «Хайдеггер и евреи» – одна из самых сложных тем в его биографии и философии. Свидетельство существенности этой проблемы опять же содержат в себе «Черные тетради»: в своих дневниках он критиковал «еврейское начало» так же яростно, как «американизацию» и «большевизм». Вот как пишет об этом сам философ: «Евреи, издавна живут, обладая подчеркнуто расчетливой одаренностью (*bei rechnerischen Begabung*), и уже соответственно расовому принципу, почему они также резким образом обороняются от неограниченного использования этой способности. Устройство (*Einrichtung*) расистского взращивания возникает не из самой жизни, а из того, что жизнь подчинена власти (*Machenschaft*)» [3].

За высказываемой Хайдеггером критикой «еврейского начала» скрывается критика современного философу общества, он обвиняет евреев в том, что они также причастны к потере сущности немецким народом, поэтому он поддерживает антисемитизм национал-социалистической партии. Такие провокационные идеи уже при первой публикации «Черных тетрадей» вызвали волну критики в адрес философа. Питер Травни, главный редактор и директор Института Мартина Хайдеггера, так писал в газете *Guardian* [3] про публикацию «Черных тетрадей»: «Хайдеггер не просто воспринял антисемитские идеи – он переработал их философски. Ему не удалось обезопасить свои суждения от влияния этих тенденций (национал-социализма)» [3]. Травни был одним из тех, кто был шокирован присутствием антисемитских взглядов в дневниках философа, потому что дневники были опубликованы только после смерти Хайдеггера, причем не сразу (так хотел сам философ, понимая, какую реакцию его мысли могли вызвать в обществе).

Другие философы утверждают, что дневники не являются неоспоримым свидетельством антисемитизма Хайдеггера. Например, немецкий философ Рюдигер Сафрански так высказался об антисемитизме Хайдеггера: «Тот факт, что Хайдеггер отверг идею защищать себя от обвинений в потенциальном пособничестве убийству, еще не означает, что он отказался от идеологического вызова «задуматься про Освенцим». Когда Хайдеггер писал о порочности современной жажды власти, для которой природа и человек становятся лишь «объектами интриги», он каждый раз, явно или не явно, подразумевал Освенцим. Для него, как и для Адорно, Освенцим был типичным преступлением современной эпохи» [3].

«Черные тетради» вызвали новую волну обсуждения проблемы антисемитизма и Холокоста уже в наше время. Но они были опубликованы лишь в 2014 году. В период же с 1945 года по 1960 год особо ярких, провокационных идей о Холокосте не высказывалось. Мысли, сформулированные в

споре Хайдеггера и Ясперса вновь актуализировались после того, как Альфреда Эйхмана в 1960 году поймали израильские спецслужбы.

Тогда дискуссии вокруг темы Холокоста оживились: всех интересовал суд над палачом. От американского журнала «The New Yorker» в качестве корреспондента была отправлена на этот суд Ханна Арендт, немецкий философ еврейского происхождения. Наверное, редакторы журнала, зная о том, что пережила Арендт во время войны, хотели увидеть яркую, эмоциональную статью о чувствах жертв, которые видят своего убийцу, но Арендт написала статью по-другому.

В своей статье, а потом и в книге «Эйхман в Иерусалиме. Банальность зла» Ханна Арендт описывает Эйхмана не как злодея, убийцу, а как обычного человека, которому в свое время повезло получить должность при партии. Одним словом, Эйхман для Арендт – это обычный мелкий чиновник. Кроме желания карьерного роста у Эйхмана не было ничего, тем более антисемитизма. В этом утверждении можно увидеть, что Арендт отчасти поддерживает мнение Хайдеггера, ведь когда Хайдеггер сам был под следствием военной комиссии, он неоднократно говорил о том, что он поддался фанатизму и увидел в национал-социализме возможность карьерного роста: Хайдеггер всегда хотел высоких должностей. Таким образом, можно прийти к выводу, что большинство немцев, которые занимали посты в национал-социалистической партии или были причастны к ней, поддерживали тоталитарную идеологию не потому что ими двигал антисемитизм, а потому, что они хотели карьерного роста и лучшего материального положения для себя.

Говоря о самих евреях, Арендт, в отличие от Ясперса, который также размышлял о жертвах и палачах Холокоста и выбрал сторону жертв, не выбрала ни чью сторону. «Немецкое общество, состоявшее из восьмидесяти миллионов человек, так же было защищено от реальности и фактов теми же самыми средствами, тем же самообманом, ложью и глупостью, которые стали сутью его, Эйхмана, менталитета» [1]. Но так же этот самообман поддерживался и жертвами, которые считают свои действия против палачей справедливыми.

Арендт считала, что произведение суда над Эйхманом использовалось, в первую очередь, просто как средство продемонстрировать и доказать, что создание государства Израиль было актом необходимым и оправданным, ибо впервые в истории еврейский народ смог поймать и осудить одного из своих «самых кровавых» палачей. А для стран-победительниц было важно показать через суд, что Израиль является суверенным государством, которое не нуждается в чьем-либо внешнем одобрении для проведения своей собственной политики, в том числе судов над теми, кто совершал преступ-

ления против еврейского народа до того, как государство Израиль было основано.

Размышления о судебном процессе над Эйхманом привели Арендт к ее знаменитому выводу: «Проблема с Эйхманом заключалась именно в том, что таких, как он, было много, и многие не были ни извращенцами, ни садистами – они были и есть ужасно и ужасающе нормальны. С точки зрения наших юридических институтов и наших норм юридической морали эта нормальность была более страшной, чем все зверства вместе взятые, поскольку она подразумевала... что этот новый тип преступника, являющегося в действительности «врагом человечества», совершает свои преступления при таких обстоятельствах, что он практически не может знать или чувствовать, что поступает неправильно... Словно в последние минуты он [Эйхман] подводил итог урокам, которые были преподаны нам в ходе долгого курса человеческой злобы, – урокам страшной, бросающей вызов словам и мыслям банальности зла» [1].

Для философа ответ на вопрос «Кто виновен в Холокосте?» был прост: это немцы, причастные к СС, а также еврейские лидеры, которые не пытались остановить геноцид, а только думали о сохранении своей жизни: «Где бы ни жили евреи, у них были свои признанные лидеры, и почти все из них – за малым исключением – тем или иным образом, по той или иной причине сотрудничали с нацистами. <...> Если бы еврейский народ действительно был не организован и у него не было бы вожаков, тогда воцарился бы хаос, и было бы множество великих страданий, но общее число жертв вряд ли бы тогда составило от четырех с половиной до шести миллионов» [1].

В своих работах Арендт стремилась показать всю абсурдность сложившейся ситуации в мире: существует государство Израиль, которое гоняется за своими «палачами» по всему свету, и «Другая Германия», которая расплачивается за Холокост деньгами, но при этом в этой «Другой Германии» половина населения не хочет признавать вину за осуществленный геноцид. За эти размышления и за подробное описание суда Ханна Арендт подверглась резкой критике: видимо, общество не хотело избавляться от иллюзий о том, что «все налаживается».

Слова Арендт о «банальности зла» остаются актуальными и сегодня, потому что акты геноцида до сих пор продолжаются по всему миру. Мы предпочитаем не думать об этом вопиющем факте и считать безумие злодеев и бессмысленное насилие тиранов следствием их личной предрасположенности. Но наблюдая ту гибкость, с которой социальные силы могут побудить нормальных людей совершать ужасающие поступки, Арендт первой поставила под сомнение эту точку зрения. Согласно критике в СМИ, книга об израильском процессе 1961 года над «архитектором Холокоста» является подробным рассуждением о политических и моральных

причинах Холокоста, когда люди «отказываются слышать голос совести и смотреть в лицо действительности» [1]. Суд в Израиле стал началом для нового этапа осмысления Холокоста, теперь философов стало интересовать не то, кто виноват в геноциде, но то, что заставило людей пойти на массовые убийства. Работы Арендт о Холокосте, фактически, являются примером объединения мыслей Хайдеггера и Ясперса.

Таким образом, сегодня опыт Холокоста используется как платформа для анализа нашей цивилизации и для критики бюрократии, рациональности, политики, общества, где царит насилие. Также важной темой в исследовании Холокоста является проблема морали. Принято считать, что мораль сообщает нам, что «хорошо» и что «плохо», что есть «добро» и «зло». Но тогда можно ли с полной уверенностью сказать, что Холокост был «аморален» и «асоциален» со стороны их исполнителей? Категорическое «да» нельзя сказать: «палачи Холокоста» были одновременно и убийцами, и законопослушными гражданами своего режима.

Символами XX века стали две мировые войны, Холокост, тоталитаризм, более 50 миллионов жертв, уничтоженных по расовым и национальным признакам. События XX века заставили нас усомниться в традиционных либеральных ценностях и в рациональности. Вопрос «Что такое Холокост?» до сих пор является актуальным, несмотря на все попытки, которые предпринимались для поиска ответа на данный вопрос. Обвинения в адрес рационализма за появление Холокоста не дает нам точного понимания причин геноцида. При этом мы все время говорим о геноциде, но геноцид не должен ассоциироваться только с евреями. В истории Европы геноцид был орудием для колонизации, к примеру, в Америке (и не только в Северной). Почему тогда мы не говорим о геноциде индейцев? Ведь они тоже жертвы геноцида, который длился даже дольше, чем еврейский. Наверное, эти вопросы связаны с нашей памятью, точнее с исторической памятью. Также изучение Холокоста связано с проблемой идентичности, которая возникла из-за обилия травматических событий в современной истории.

Основное различие в отношении Ясперса и Хайдеггера к гитлеровскому режиму и к Холокосту состоит в том, что Хайдеггер не признавал ответственность немцев за вину, а для Ясперса вина немцев доказана, и философ требует, чтобы немцы начали процесс осмысления вины. Различием является и то, что для Хайдеггера важнейшей проблемой была потеря сути немецкого народа, а для Ясперса тоталитарный режим и есть отказ от этой сути. По мнению Ясперса, вина немцев была явной, поэтому философ поддерживал действия стран-победительниц и Нюрнбергский процесс, призывая народ Германии к выполнению обязательств.

Однако есть и явное сходство между философами: это признание антисемитизма и Холокоста преступлением. Также они оба выражали мнение, что решение вопроса о дальнейшем развитии крайне важно для Германии. И еще одним неявным сходством была критика американизации в Германии. Хайдеггер видел источником американизации в Германии действия союзников и Нюрнбергского процесса, Ясперс же только в 1966 году признал факт американизации в Германии, связав её с антидемократическими процессами в ФРГ.

В 1960-ых годах в своих радио-выступлениях Ясперс говорил о том, что разочаровался в ФРГ, потому что не видел в действиях правительства «раскаяния». В Германии замалчивали свое прошлое, люди не хотели вспоминать о нём, но забыть о культурной травме невозможно. У культурной травмы нет конца: когда люди забывают о травме, она проявляется в будущем.

Поколение немцев, которое было травмированным поколением, не обращало внимания на то, что в правительстве находились бывшие партийные сотрудники тоталитарного режима, а большинство предприятий, которые начали работу при нацистах, продолжали работать так, как будто не было никакого национал-социализма. В итоге этого замалчивания травматического опыта следующее поколение, не знающее тотализма и послевоенных процессов, выступило за утверждение, что все национал-социалистическое является ужасным и оно просто не может существовать в Германии. Тогда изменение в отношении к тоталитарному прошлому в 1960-е годы и привело к возникновению «немецкого комплекса», кульминацией которого стала провальная политика в отношении к беженцам и реакция немцев на появление партии AFD.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арендт Х. Эйхман в Иерусалиме. Банальность зла. URL: <https://www.litmir.me/bd/?b=155610> (дата обращения 12.06.18)
2. Мотрошилова Н.В. Почему опубликование 94–96 томов собрания сочинений М. Хайдеггера стало сенсацией? URL: https://iphrrs.ru/94_96.htm (дата обращения 12.06.18)
3. Сафранский Р. Хайдеггер: Германский мастер и его время. URL: <https://biography.wikireading.ru/128731> (дата обращения 12.06.18)
4. Хайдеггер М., Ясперс К. Переписка 1920–1963. – Москва: AD MARGINEM. – 2001.
5. Штомпки П. Социальное изменение как травма. URL: <http://naukax-pd.fiu/17stoiya512753-1-2001-shtompka-socialnoe-izmenenie-kak-travma-statya-pervaya-shtompka-pet-professor-yagellonskogo-universiteta-krakow.php> (дата обращения 12.06.18)
6. Ясперс К. Вопрос о виновности. URL: <http://padaread.com/?book=69156> (дата обращения 12.06.2018)

TRANSLIT

1. Arendt H. Eichman v Ierusalime. Banalnost' zla. URL: <https://www.litmir.me/bd/?b=155610> (data obrashcheniya 12.06.18)

-
2. Motroshilova N.V. Pochemu opublikovanie 94-96 tomov sobraniya sochinenij M Hajdeggera stalo sensaciej. URL: https://iphras.ru/94_96.htm (data obrashcheniya 12.06.18)
 3. Safranskij R. Hajdegger: Germanskij master i ego vremya. URL: <https://biography.wikireading.ru/128731> (data obrashcheniya 12.06.18)
 4. Hajdegger M. Yaspers K. Perepiska 1920-1963. – Moskva: AD MARGINEM. – 2001.
 5. Shtompki P. Socialnoe izmenenie kak travma. URL: <http://nauka.x-pdf.ru/17istoriya/512753-1-2001-shtompka-socialnoe-izmenenie-kak-travma-statya-pervaya-shtompka-petr-professor-yagellonskogo-universiteta-krako.php> (data obrashcheniya 12.06.18)
 6. Yaspers K. Vopros o vinovnosti. URL: <http://padaread.com/?book=69156> (data obrashcheniya 12.06.18).